

Предвидение Рэя Брэдбери

За рубежом. — 1993. — 8-14 окт. (№ 41). — С. 23

Клайв Дэвис

«ТАЙМС», ЛОНДОН.

Рэй Брэдбери.

Н АПРАВЛЯЯСЬ к Рэю Брэдбери, профессионалу-футурологу, дуайёну корпуса авторов, посвятивших себя жанру научной фантастики, вы, скорее всего, ожидаете увидеть его в некоей куполообразной башне из нержавеющей стали в окружении целой команды роботов-автоматов, снующих вокруг мэтра и улавливающих в мгновение ока любое его желание или каприз, а где-нибудь в углу жилища и одновременно лаборатории обнаружить антигравитационное устройство.

И ошибетесь. Место пребывания Брэдбери в Париже — стильный, современный дом его друга-юриста, буквально в нескольких шагах ходьбы от Эйфелевой башни. В просторном холле, почти в середине, шикарное белое пианино, по стенам полки с книгами — да, та самая подрывная литература, которую запрещают и жгут в знаменитом романе Брэдбери, его шедевре, «451° по Фаренгейту».

«Какое удовольствие жечь» — так звучит первая фраза романа, повествующего о конформистском обществе, где печатное слово запрещено в интересах всеобщего счастья. Нет, комиксы и всякого рода журналы по производственной тематике разрешены, но вот книги, которым свойственна такая нескладная и вредная привычка сеять опасные и сложные мысли в сознании человека, поставлены вне закона. Как только где-то обнаружат нелегальщину, ее тут же подвергает сожжению специальная бригада пожарных, ибо их главное и единственное занятие в том мире, где жилища оснащены противопожарными устройствами, немедленно отключается на «стук» информаторов.

Центральный персонаж романа — пожарный Гай Монга. Подобно оруэлловскому Джорджу Смиту в «1984» он начинает переосмысливать и ставить под сомнение свое место в этом мире и в этой системе. На исходе романа герой уже в бегах, во главе скитающихся диссидентов, посвятивших свое существование главному делу — во что бы то ни стало сохранить и спасти тексты классической литературы, заучивая их наизусть, слово в слово, читая их друг другу и таким же, как они, единомышленникам.

Сорок лет минуло с той поры, когда роман увидел свет, и эту годовщину отмечает появление нового издания с предисловием автора в издательстве «Фламинго», специализирующемся на публикации современной классики. И четверть века прошло после того, как появился фильм Франсуа Трюффо по роману Брэдбери, отжа-

ная попытка, завершившаяся, согласно большинству отзывов, неудачей. Сегодня Брэдбери надеется, что ему удастся убедить голливудских друзей не откладывая дело в долгий ящик снять новый фильм по роману.

«Картина, которую сделал Трюффо, по-моему весьма мила, — полагает Брэдбери, — но в ней многое осталось за кадром. Трюффо считал, что мой роман он знает лучше меня. Оскар Вернер, он играл Монга, поддержал

меня, с Трюффо у него были большие баталии, одно время они даже не разговаривали».

Большой, главный вопрос в том, выдержал ли роман испытание временем, работает ли эта книга, с самого начала задуманная как видение будущего. В отличие от многих авторов в области научной фантастики Брэдбери отнюдь не стремится загрузить читателя обилием описаний и характеристик «этого смелого нового мира», говоря словами другого, тоже именитого провидца будущего писателя Олдоса Хаксли. Вместо этого Брэдбери выстроил свой сюжет в форме рассказа-мечты, и, однако же, вас не могут не восхищать точность и процент попадания его прогнозов и видений, которые сегодня, словно в зеркале, узнают себя в «самый канун XXI века».

Герои Брэдбери, к примеру, буквально поглощены бесконечными «мыльными операми», сменяющимися одна другую на огромных, в стену, телевизорах, а тем временем миниатюрные наушники накачивают индивидов будущего дозированными порциями новостей, вкрапленных в нескончаемые музыкальные потоки. На улицах развлекается молодежь, выплескивая свою агрессивность в безумных автомобильных гонках, шайки юных хулиганов устраивают регулярные разборки-перестрелки.

В мире, где живет Монга и подобные ему, техника и технология высшим делом своим считают загрузить наш мозг до предела и не оставить ни секунды на раздумье о чем-то значительном и тревожном. И эти пустые и выдуманные фантазии день за днем расслабляют. Философию такого бытия излагает шеф Монга, циничный Битти, то и дело экспромтом рождающий наблюдения-эпиграммы: «Молния» заменила пуговицы на брюках, а человек, одеваясь поутру, все в том же цейтноте, на раздумья — ни секунды, а ведь утро — это время и для философии, и для грусти».

В итоге же, беседуя с Брэдбери, испытываешь легкий шок, обнаружив, что писатель, перешагнувший свой 73-летний рубеж, остается оптимистом. Его гораздо менее волнуют нынче мрач-

ные образы «1984», нежели блестящие горизонты науки в 2001-м. Наука ничем не угрожает нам, утверждает писатель, если к ней подходить творчески. Ядерная энергия и роботы освободят нас от многих тягот. «Да, конечно, — соглашается он, — многое в книге подтвердилось. Но произошло и немало хорошего, это тоже нельзя отрицать. Демократия явно хромает, но и тоталитаризму за последние годы досталось прилично».

«Успехи в медицине, — считает Брэдбери, — спасли миллионы и миллионы жизней. Сейчас другая пробле-

Горят книги — кадр из фильма по роману «451° по Фаренгейту»; справа Оскар Вернер в роли Гая Монга.

ма — перенаселенность. Но ведь жизнь все-таки лучше смерти, не так ли? В 1918 году, в ту страшную эпидемию гриппа, умер мой брат. Недавно я побывал на его могиле, не был там с детских лет. На памятной доске прочитал, что в ту неделю умерли десятки и десятки детей — за одну только неделю! Воспоминаю, сколько в мои молодые годы умирало таких же, как я, молодых людей — не было лекарств».

Его удручает падение грамотности, образованности в широком смысле этого понятия. Сегодняшняя школьная детвора, вскормленная на мультяшках и программах Эм-ти-ви в режиме нон-стоп, во многом лишена стимулов к познанию. Вина лежит и на препода-

вателях, считает Брэдбери, поддерживающий идею проведения всякого рода школьных тестов.

Хотя сам себя он считает либералом умеренного толка (в эру маккартизма выступал с критикой проводимой жесткими консерваторами «охоты на ведьмы»), самые сильные эпитеты Брэдбери прибегает в адрес ревнителей политической чистоты и правдивости. И здесь «451° по Фаренгейту» тоже оказывается в весьма и весьма немногочисленном ряду удачных книг-предвидений. Ведь одна из причин, почему та или иная книга попадает в число «нечистых», подлежащих запрету, весьма проста — многие из подобных произведений способны, как считается, обидеть либо то или иное национальное меньшинство, либо ту или иную социальную группу.

«Люди, как правило, полагают, что цензура навязывается сверху, — рассуждает Брэдбери. — Но реальная угроза исходит не от Большого Брата, а от маленькой сестры — от всех этих больших и малых групп и общностей мужчин и женщин, стремящихся как раз снизу навязать свои взгляды или предубеждения. Меня это не особенно тревожит, поскольку мы держим ситуацию в поле зрения. Ведь если только позволим той или иной группе или группке убирать с полки хотя бы одну книгу, что тогда останется в нашей библиотеке?»

У него ушло всего девять дней, чтобы завершить первый вариант своего знаменитого романа, в котором собраны различные сюжеты, их он в той или иной степени касался в коротких рассказах. «451° по Фаренгейту» иной раз воспринимают как сатиру на маккартистские годы, время черных списков, но Брэдбери подчеркивает, что корни этого произведения уходят гораздо глубже. Он вспоминает, что, будучи еще ребенком в девять лет, расплакался, прочитав о том, как в древности была сожжена Александрийская библиотека. И уже позже, когда семья поднялась с места и покинула маленький городок в штате Иллинойс, переоселась, по сути, всю Америку и обосновалась в итоге в Лос-Анджелесе, он на протяжении всего долгого пути старался заглянуть в каждую библиотеку, попадавшуюся во время этого путешествия.

И его страшно огорчало, что во многих местных маленьких библиотеках не было его особенно любимых книг, например, рассказов о Гарзане. Эти грустные воспоминания он сохранил на долгие годы, вплоть до того времени, когда стал писателем. А затем на свет появился Гай Монга.